

Тюремный надзиратель оцепенело принял жетон, мельком взглянув на него, но тут же уставился прямо в лицо Сы Цзину.

Кожа перед ним была белой, как нефрит, а на гладком чистом лбу от волнения выступили мелкие капельки пота.

Надзиратель повел носом и уловил тонкий аромат жасмина.

Почувствовав, что, возможно, напугал новичка, он смягчил голос. В сочетании с безупречно сидящей формой это звучало неожиданно убедительно и внушало невольный трепет.

— Новичок?

— Да... — Сы Цзин кивнул, глядя себе под ноги и не осмеливаясь встретиться с пронзительным взглядом.

Он указал на железную дверь с табличкой 719:

— Это моя камера.

— Я знаю, — голос надзирателя не выражал никаких эмоций, а взгляд был пугающе темным.

Он молча запомнил номер 719. Достав ключи, он вставил их в слегка заржавевшую замочную скважину.

Скрип.

Дверь открылась.

— Заходи.

— Спасибо вам.

Сказав это, мужчина, однако, не сдвинулся с места. Дверной проем был узким, и он один занимал две трети пространства. Высокий, широкоплечий, с холодным выражением лица, он источал мощное давление. Если Сы Цзин попытается пройти, он неизбежно заденет его. Юноша оказался в затруднительном положении.

— Что, не хочешь заходить? Если не хочешь, можешь остаться в коридоре.

Мужчина нарочито нахмурился, поставил ногу на порог и добавил как бы невзначай:

— Правда, в этой тюрьме многие гибнут безвинно, и я не ручаюсь, что тут может появиться ночью.

При этих словах Сы Цзин вздрогнул, едва не пошатнувшись. Он напоминал нежный жасмин, побитый ливнем — такой же поникший и беззащитный. Юноша медленно двинулся вперед, ступая крайне осторожно, боясь даже дышать, лишь бы не разозлить надзирателя.

Но внезапно:

— А!

Несмотря на всю осторожность, нога Сы Цзина соскользнула. В красивых лисьих глазах мгновенно заблестели слезы, а на длинных ресницах повисли прозрачные капли. Неужели он его ударит? Выглядит таким свирепым, сразу видно — характер не сахар.

Надзиратель невозмутимо убрал ногу, словно все рассчитал. Время было подгадано идеально: со стороны казалось, что Сы Цзин просто споткнулся.

Голос надзирателя, низкий и слегка хриплый, прозвучал обволакивающе, почти дурманяще:

— Ты что-то сказал?

Сы Цзин, смирившись с участью, покачал головой:

— Ничего. Я могу войти?

Голос юноши слегка дрожал, оставаясь чистым и совсем не агрессивным.

— Заходи.

Надзиратель с опозданием отступил на шаг, голос его вновь стал строгим, хотя в нем проскользнула странная мягкость:

— Меня зовут Ши Юнь. Если что-то понадобится — обращайся.

Сказав это, Ши Юнь пристально посмотрел на Сы Цзина, развернулся и поспешно запер дверь.

Когда Ши Юнь ушел, Сы Цзин растерянно замер посреди камеры.

— Он... он ушел? — раздался заикающийся, полный страха голос, от которого Сы Цзин вздрогнул.

— Кто здесь? — Сы Цзин настороженно огляделся, его чуткие белые ушки на макушке слегка дернулись.

На верхней койке справа зашевелился холмик, из которого показался человек.

— Ого! Ты такой... такой красивый!

Парень был худым, как былинка, с прямой челкой, грибовидной стрижкой и в очках с круглой оправой. Стекла были настолько грязными, что едва ли можно было разглядеть их прозрачность. Оставалось загадкой, как он вообще умудрился разглядеть красоту Сы Цзина через такие линзы.

— Меня зовут Гу Хуэй. Ты... ты, должно быть, новый сосед?

Гу Хуэй, который оказался заикой, опасливо выглянул в сторону двери и дрожащими ногами спустился с кровати.

— Привет, я Сы Цзин, я новенький.

Гу Хуэй застенчиво улыбнулся, хотя на его лице еще выступил холодный пот от пережитого испуга:

— Ой, только что я чуть... чуть не умер со страху!

Сы Цзин кивнул и присел на нижнюю койку, которая выглядела пустой:

— Ты про Ши Юня? Он... э?

Не успел он закончить, как Гу Хуэй прыгнул вниз. Он выглядел очень взволнованным, его руки хаотично двигались, он чуть было не зажал Сы Цзину рот, но, взглянув на свои грязные руки, а затем на безупречно чистого Сы Цзина, решил не проявлять фамильярности.

Он придвинул стул и сел, приняв серьезный вид:

— Ты... говори тише!

Сы Цзин не понял:

— Почему? Здесь нельзя громко разговаривать?

Гу Хуэй чуть не плакал. Он суетливо подался вперед и зашептал:

— Это же живой яма! Ты не... не знаешь, сколько людей он забил насмерть! Методы у него жестокие, бьет... бьет беспощадно, всегда до конца.

Сы Цзин испугался. Неужели Ши Юнь настолько ужасен?

— Однажды несколько заключенных со второго этажа решили, что он красавчик, и восемь человек зажали его в камере. И знаешь, что было потом?

— Что? — Сы Цзин поддакнул, хотя в голове всплыло холодное, красивое лицо Ши Юня.

Голос Гу Хуэя дрожал, он словно вновь переживал тот кошмар:

— Крики из той камеры не утихали всю ночь. Все восемь заключенных погибли. Потоки крови вытекали из-под двери далеко в коридор. Когда другие надзиратели открыли дверь, Ши Юнь стоял там, похожий на демона, весь в крови. Выражение его лица не изменилось, а в руках он держал железную трубу, продолжая методично бить превратившиеся в месиво тела.

Лицо Сы Цзина мгновенно побелело.

Гу Хуэю стало не по себе, и он решил сменить тему:

— Сы Цзин, а... а за что тебя посадили?

Сы Цзин смущенно улыбнулся, вспоминая свое обвинение:

— Хищение государственных средств.

Лицо Гу Хуэя на мгновение стало пустым.

Только и всего? И за это отправили в тюрьму Паскаль? Неужели он перешел кому-то дорогу? Сы Цзин такой красивый, вполне возможно, что кто-то позарился на его внешность и подстроил все так, чтобы его упрятали сюда. У кого хватит такой власти и безумия, чтобы повернуть подобное? Разве что у тех двух психопатов с первого этажа.

Бедняга! Просто невероятно, как ему не повезло!

Чем больше Гу Хуэй думал об этом, тем логичнее ему казалась эта версия, и он посмотрел на Сы Цзина с искренним сочувствием. Сы Цзин не понимал, почему у него такой вид: неужели его преступление настолько тяжкое, что он так испугался?

Он спросил:

— Гу Хуэй, а ты?

Гу Хуэй смущенно почесал голову:

— Я... я убил всю свою... свою семью.

Сы Цзин: ???

С такими обвинениями он здесь, на седьмом этаже? Что же тогда натворили те, кто сидит на первом?

<http://bllate.org/book/19060/1871553>